

Михаил Витальевич Шкаровский

главный архивист Центрального
Государственного
архива Санкт-Петербурга,
профессор Санкт-Петербургской
Духовной академии
Санкт-Петербург

Петроградская епархия в 1917-1918 гг.: опыт и уроки противостояния антирелигиозным гонениям

Статья охватывает основные события церковной жизни Петроградской епархии в первый послереволюционный год. На основе документов архивов Санкт-Петербурга и обзора местных «Епархиальных ведомостей» того периода автор анализирует опыт и уроки противостояния антицерковным гонениям в епархии, рассказывает о первых мучениках за веру, о том как Церковь пыталась избежать и остановить кровопролитие, вызванное отрицательным отношением к ней советской власти.

Ключевые слова: новейшая история Русской Православной Церкви, церковная история, Русская Православная Церковь, Петроградская епархия, антирелигиозные гонения, новомученики и исповедники российские, церковно-государственные отношения, Петроград, православные братства, октябрьская революция 1917 г., тоталитаризм.

К весне 1917 г. столичная Петроградская епархия являлась одной из наиболее значительных и крупных в стране. Петроградский Владыка окормлял и западноевропейские приходы Российской Православной Церкви. 24 мая 1917 г. выборные представители клира и мирян губернии значительным большинством проголосовали за избрание архиепископом Петроградским Владыки Вениамина (Казанского). Это был один из первых случаев выборов главы епархии демократическим путем. 13-14 августа состоялось возведение нового архиепископа в сан митрополита. Уже в первом своем заявлении после выборов архиерей сказал: «Я стою за свободу Церкви. Она должна быть чужда политики, ибо в прошлом много от нее пострадала» [16; С. 5–7]. Через день после возведения Владыки Вениамина в сан митрополита состоялось одно из важнейших событий в церковной жизни.

15 августа в Успенском соборе Московского Кремля произошло торжественное открытие Всероссийского Поместного Собора Православной Церкви, первая сессия которого продолжалась до 9 декабря. 5 ноября в храме Христа Спасителя по жребию из трех кандидатов, выбранных Собором, был избран Патриархом Московским и Всея России митрополит Московский Тихон (Беллавин). 21 ноября состоялась его торжественная интронизация. Поместный Собор заложил основы канонического устройства Православной

Российской Церкви. Существенное значение для жизни Петроградской епархии имело февральское 1918 г. постановление Собора об епархиальном управлении, восстанавливающее самобытное и самостоятельное достоинство каждого отдельного епископа: «Епархиальный архиерей, по преемству власти от святых Апостолов, есть предстоятель местной Церкви, управляющий епархией при соборном содействии клира и мирян... Архиерей пребывает на кафедре пожизненно и оставляет ее только по церковному суду или по постановлению высшей церковной власти... в исключительных и чрезвычайных случаях, ради блага церковного»¹.

С первых дней Октябрьской революции на жизни Православной Церкви отразились кровопролитные столкновения противоборствующих сторон. Так, само избрание Патриарха проходило в период ожесточенных боев в центре Москвы, в ходе которых серьезно пострадали кремлевские храмы. Поместный Собор был вынужден образовать специальную комиссию «для описания повреждений святынь Кремля, причиненных в смутные дни 27 октября - 2 ноября с. г.» под председательством Петроградского митрополита. А через несколько дней в Царском Селе был убит протоиерей Иоанн Кочуров, обличавший матросов в «содеянных злодеяниях». Его избили и полуживого тащили по шпалам железнодорожного полотна, пока священник не скончался. В письме Патриарха Тихона вдове убитого говорилось: «Храним в своем сердце твердое упование, что украшенный венцом мученичества почивший пастырь предстоит ныне Престолу Божию в лице избранников верного стада Христова»².

Уже первые постановления советской власти непосредственно затронули большинство сфер жизнедеятельности Православной Церкви и Петроградской епархии. Так, декрет о земле II съезда Советов и основанный на нем декрет о земельных комитетах от 4 декабря 1917 г. касался земельных наделов церквей и монастырей. Национализация частных банков повлекла утрату хранившихся там значительных вкладов духовенства. Декларация прав народов России от 2 ноября предусматривала упразднение всех религиозных привилегий. В декабре были приняты декреты о передаче всей системы образования (включая богословские учебные заведения) в ведение Наркомпроса, а регистрации актов рождения, брака и смерти — в исключительное ведение государственных организаций. В январе 1918 г. ряд наркоматов постановили уволить военных духовников, а также прекратить все выплаты на содержание церквей, священников, преподавателей Закона Божия и т. д.

Опубликование 31 декабря в газетах проекта декрета об отделении Церкви от государства явилось полной неожиданностью для верующих. Многие в нем духовенство не устраивало. Одним из первых свое категорическое несогласие выразил Петроградский митрополит Вениамин, направивший 10 января открытое письмо в Совнарком. Мотивы послания были далеки от политических и носили объективный характер (беспокойство по поводу потери правовой защищенности, экономической базы Церкви и т. д.) В нем отмечалось: «Осуществление этого проекта угрожает большим горем и страданиями

¹ Церковные ведомости. 1918. № 11–12. С. 66–68.

² Церковно-общественный вестник. 1917. 9 декабря.

православному русскому народу. Вполне естественно, как только православные жители Петрограда узнали об этом, стали сильно волноваться. Волнения могут принять силу стихийных движений... и привести к тяжелым последствиям... считаю своим нравственным долгом сказать людям, стоящим у власти, чтобы они не приводили в исполнение предполагаемого декрета об отобрании церковного достояния. Православный русский народ никогда не допускал подобных посягательств на его святые храмы. И ко многим другим страданиям не нужно прибавлять новых»¹. Письмо не осталось без внимания (хотя ответа не последовало), с ним ознакомился В. И. Ленин, наложивший резолюцию: «Очень прошу коллегия при комиссариате юстиции поспешить с разработкой декрета об отделении церкви от государства»².

Пожелания митрополита не только не были учтены, но и активизировали антицерковные акции в Петрограде. В первой половине января начались правительственные действия, явно предвосхищавшие готовившийся закон. Власти стали закрывать дворцовые и некоторые домовые церкви (в Зимнем и Гатчинском дворцах, зданиях Министерства внутренних дел и градоначальства) с конфискацией их имущества, в наиболее доходную часовню Христа Спасителя в домике Петра Великого был направлен комиссар, объявивший, «что вся выручка ее должна поступать в кассу Республики» [9, Л. 31]. 3 января, несмотря на протест общего собрания рабочих синодальной типографии, она была изъята из распоряжения церковных властей. Этим прекращался выпуск периодических изданий: «Церковных ведомостей» и «Церковно-общественного вестника», причем возобновить через несколько недель удалось только первое из них.

Вскоре после занятия типографии в Петрограде начались общие собрания духовенства, представителей приходов, сначала городских, а затем и всей епархии. Первое такое собрание состоялось 11 января в здании Исидоровского епархиального училища под председательством митрополита Вениамина. Оно вынесло резолюцию протеста, переданную в Совнарком, в которой указывалось, что тысячи верующих «рассматривают захват типографии как грабеж, протестуют против него... приходские советы усматривают явное гонение на Православную Церковь со стороны тех, кто именуется народной властью»³. На собрании обсуждались визиты разных комиссаров к ректору семинарии, в Духовное училище и к митрополиту с заявлениями, что все достояние Синода решено объявить собственностью народа, а также публичное выступление товарища наркома просвещения И. А. Шпицберга, объявившего о скором принятии мер к церковным властям за неповиновение Совету Народных Комиссаров, в том числе о выселении митрополита Вениамина из его покоев в Александро-Невской Лавре.

Действительно, 13 января 1918 г. Наркомат государственного призрения издал распоряжение о реквизиции жилых помещений Лавры, в том числе покоев митрополита, для своих нужд под богадельни и приюты. В тот же день в монастыре появился вооруженный отряд, который произвел детальный осмотр зданий, а 14 января на имя настоятеля епископа

¹ Церковные ведомости (Прибавления). 1918. № 1. С. 24.

² Там же. № 5. С. 204.

³ Церковные ведомости (Прибавления). 1918. № 1. С. 23–24.

Прокопия (Титова) поступило официальное отношение: «Вследствие постановления народного комиссара о реквизиции всех жилых и пустующих помещений со всем инвентарем и ценностями, принадлежащих Александро-Невской лавре, настоящим предписывается Вам сдать все имеющиеся у Вас дела по управлению домами, имуществами и капиталами лавры уполномоченному лицу от Министерства государственного призрения»¹.

После этих событий 14 января в зале Общества религиозно-нравственного просвещения на Стремянной улице состоялось собрание духовенства и прихожан, решившее «твердо заявить народным комиссарам, что православный русский народ не допустит отобрания имущества у монастырей и храмов... не допустит поругания его заветных святынь, встанет на их защиту от поношения тех, кои будучи не русскими и не православными, этих святынь не могут понимать и ценить»².

16 января в том же зале было организовано еще одно собрание, уже в присутствии митрополита Вениамина и двух викарных епископов, на котором решили под резолюцией предыдущего заседания собрать подписи по церквям и послать ее властям, а также опубликовать в газетах. Однако как эта резолюция, так и непосредственные переговоры настоятеля Лавры в Совнарком не дали результатов. Руководству епархии, получавшему противоречивую информацию, не было даже официально разъяснено, что речь не идет о полной ликвидации монастыря, что резко усилило конфронтацию.

16 и 18 января к настоятелю с соответствующим мандатом являлся комиссар Иловайский и требовал сдачи ему Лавры со всеми капиталами, движимым и недвижимым имуществом, но получил категорический отказ. Трагическое столкновение произошло 19 января, когда Иловайский прибыл в сопровождении 17 красногвардейцев и матросов силой добиваться выполнения своих требований. После ареста настоятеля в лаврских церквях ударили в набат, сбежался народ, отряд частично разоружился и ретировался. Но вскоре прибыли подкрепления с пулеметами. В неравной борьбе смертельно ранен был настоятель церкви иконы Пресвятой Богородицы Всех Скорбящих Радосте протоиерей Петр Скипетров, обратившийся со словами увещания к красногвардейцам. Искали иеромонаха Гурия (Егорова), участвовавшего в разоружении солдат. Чтобы напугать народ, стреляли в воздух из пулеметов, но люди все прибывали, и красногвардейцы были вынуждены снова отступить³. Лавру отстояли, однако так начались первые «военные действия» между Церковью и государством.

Последовавшее вскоре разъяснение властей о том, что реквизиция помещений не предусматривала закрытия монастыря, несколько успокоило страсти, и лаврские богомольцы, собиравшиеся было охранять ее, разошлись. Много сделал для предотвращения дальнейших столкновений митрополит Вениамин. 20 января он отдал распоряжение о совершении на следующий день общегородского крестного хода в защиту Церкви из всех храмов к Лавре. Как отмечалось на заседании Поместного Собора, «этим исполнялось лишь

¹ Там же. С. 26.

² Там же. С. 27.

³ Там же. № 2. С. 82-83.

требование верующего народа. И только в случае, если будут поставлены заставы, решили не брать народ в крестный ход и помолиться в соборе. Когда в субботу об этом сообщили народу, народ говорил: «Пойдем!» В некоторых храмах исповедовались и приобщались Святых Тайн. Говорили: «Пойдем, хотя бы и на расстрел». В «Вечернем голосе» было напечатано, что крестный ход будет запрещен. Но, вероятно, власть учла народное настроение, и Бонч-Бруевич не только не запретил, но даже заявил, что «они не противники веры», и сделал распоряжение об аресте нарушающих порядок во время крестного хода и отправлении их в Смольный в комнату № 75. Эти распоряжения были напечатаны и разбрасывались из автомобиля параллельно крестному ходу¹. Накануне, в субботу вечером, в Казанском соборе его настоятелем, священномучеником протоиреем Философом Орнатским, было впервые зачитано в Петрограде воззвание Патриарха от 19 января (его успели размножить и раздать по церквам для оглашения на следующий день).

В грандиозном воскресном крестном ходе участвовало, по церковным оценкам, до полумиллиона, а по данным властей – 50 тысяч человек. Лавра не могла вместить всех желающих, и митрополит выступил после молебствия с особого помоста на площади: «В переживаемые дни родина наша, некогда Русь святая, превратилась в пещеру погребальную. И наполнена эта пещера телами людей, которые ходят, действуют, много говорят, но которые духовно мертвы для веры, для блага родины, для любви и сострадания к ближним и для голоса совести своей... Думали предоставлением свободы произволу и страстям человеческим, обещанием всех благ земных, рассыпанием денег заставить людей забыть про небо, про Бога, про совесть. Но это средства, цели не достигающие. Бывшие дорогие братья наши, дети общей семьи, знайте, что невозможно бороться с Богом, нельзя искоренить веру. Гонения на веру только укрепляют ее. Так было, так будет, так и теперь есть».

Затем крестный ход во главе с митрополитом Вениамином двинулся к Казанскому собору, при подходе к которому Владыка сказал: «Мы боялись тогда, когда устраивали крестный ход, что он закончится неблагополучно, но вот Господь, светящий и добрым, и злым, послал нам солнышко, и все мы живы и здоровы. Поэтому будем теперь в вере до готовности пострадать даже до самой смерти, как завещал нам протоиерей Скипетров, убитый у порога своего архиерея» [17]. В целом все завершилось без столкновений, лишь некоторые усердные богомольцы срывали шапки с неснимавших их при виде крестного хода. В некоторых же других городах подобные ходы кончались кровопролитием.

События в Петрограде сразу оказались в центре внимания возобновившего с 20 января работу Поместного Собора. На его первом собрании было оглашено послание настоятеля Александро-Невской Лавры, о занятии синодальной типографии рассказал протоиерей Павел Лахостский, а 24 января, на другом заседании сообщение о крестном ходе в Петрограде сделал о. Философ Орнатский, призвавший выявить свою силу: «Пора сказать, что разбойники взяли власть и управляют нами. Мы терпели, но терпеть далее невозможно, потому что затронута Святое Святых русской души – Святая Церковь... На сознательное мученичество идти не следует, но, если нам нужно пострадать и даже умереть за правду –

¹ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга 6. Вып. 1. М. 1918. С. 58–59.

это надо будет сделать»¹.

Антицерковные акции не остались без ответа Патриарха. Они, а также становящаяся все более кровавой гражданская война явились причиной появления его воззвания от 19 января 1918 г. В нем Патриарх заклеил «открытых и скрытых врагов» истины Христовой, которые ненавистью, братской междоусобицей и кровопролитием по всей стране выполняли «дело сатаны», и предал их анафеме [4, Л. 9]. Послание было воспринято органами советской власти как выражение контрреволюционного настроения.

23 января в газетах был опубликован декрет «Об отделении Церкви от государства и школы от церкви», первоначально называвшийся «О свободе совести, церковных и религиозных обществах». Именно он заложил основы будущего, бесправного положения Церкви. Духовенство и верующие отрицательно встретили указанный закон. На заседании 25 января Поместный Собор постановил: «Изданный Советом Народных Комиссаров декрет об отделении Церкви от государства представляет собой, под видом закона о свободе совести, злостное покушение на весь строй жизни Православной Церкви и акт открытого против нее гонения»².

Не все представители клерикальной общественности, прежде всего, в столице, однозначно восприняли воззвание Патриарха и бойкот январского декрета. Группа петроградского так называемого «прогрессивного» духовенства и интеллигенции, в основном будущих деятелей обновленчества, выступила за необходимость изменения церковной политики, примирения с государственной властью. Идеи о назревшем переустройстве религиозной жизни, обновлении Церкви высказывались ими и раньше. 7 марта 1917 г. в столице возник Всероссийский союз демократического православного духовенства и мирян во главе с протоиереями М. Поповым, И. Егоровым, священниками Д. Поповым, А. Введенским, диаконом Т. Скобелевым и др. Он пользовался поддержкой Временного правительства и издавал на синодальные субсидии газету «Голос Христа», а к осени организовал издательство «Соборный разум», выпускавшее одноименный журнал. Наряду с требованиями широких внутрицерковных реформ, союз сближался и с левыми политическими идеями, выступая под лозунгом «Христианство на стороне труда, а не на стороне насилия и эксплуатации».

Однако на открывшемся Поместном Соборе сторонники союза оказались в явном меньшинстве. В результате, с осени 1917 г. у них начало созревать решение «самостоятельно вести церковное дело, не считаясь с правящей иерархией». Сильный удар по их основополагающей идее соборного управления нанесло восстановление Патриаршества. В январе 1918 г., по воспоминаниям А. Введенского, у руководителей союза появилась идея разрыва с официальной Церковью, отделения от Патриарха и создания новой Церкви. Согласно этим замыслам, выступление должно было начаться одновременно в Петрограде, Киеве и Одессе¹. Однако «переворота» не произошло, так как его сторонников оказалось очень мало. Скорее всего, Введенский позднее сильно преувеличил замысел этого

¹ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга 6. Вып. 1. С. 58–59.

² Церковные ведомости. 1918. № 3–4. С. 20–22.

¹ Введенский А.И. Церковь и государство. М. 1923. С. 109–110, 215.

выступления.

В первой половине 1918 г. петроградская группа продолжала пропагандировать свои взгляды. С марта она начала издавать воскресную газету «Правда Божия» (под редакцией профессора В.В. Титлинова), в которой критически оценивалось воззвание Патриарха от 19 января: «Кто хочет вести борьбу за права духовенства, тот должен не отвергать революции, не отталкивать, не анафемствовать, а просветлять, одухотворять, претворять ее». В декрете об отделении Церкви от государства усматривались положительные стороны, ускорившие «дело внутреннего церковного освобождения», хотя с рядом положений его также выражалось несогласие².

Под руководством о. А. Введенского стала выпускаться серия брошюр «Библиотеки по вопросам религии и жизни», рассчитанных на массового читателя. Среди проповедников этой группы наибольшей популярностью пользовался священник Александр Боярский, настоятель храма свт. Николая в Колпино. Он имел определенный авторитет у рабочих Ижорского и Обуховского заводов. При храме функционировал состоявший из молодежи «кружок церковных реформаторов». В 1918 г. вышла книга о. Александра «Церковь и демократия (спутник христианина-демократа)», пропагандировавшая идеи «христианского социализма».

Однако число сторонников этого направления оставалось небольшим. В первой половине 1918 г. церковная жизнь в Петроградской епархии проходила под знаком сопротивления декрету от 20 января. Его неприятие усугублялось тем, что местными властями он зачастую трактовался в худшую для духовенства сторону. Священников нередко арестовывали не за контрреволюционную агитацию, а за нежелание помогать комиссиям по описи церковного имущества, которые действовали грубо, иногда намеренно оскорбляя религиозные чувства верующих. Довольно распространенным явлением стали требования местных властей венчания молодоженов, один из которых ранее был разведен в гражданском порядке. За отказ арестовывали, судили и т.д.

В самом Петрограде подобных вопиющих злоупотреблений было значительно меньше, однако и там обстановка оставалась напряженной. 27 января в публичном докладе А. Шпицберг сообщил, что готовятся декреты о запрещении Причащения как «колдовского акта», об изъятии священных сосудов, закрытии церквей и объявлении духовенства «контрреволюционным». 28 января специальный отряд занял помещения Святейшего Синода и, как говорилось в докладе Петроградской синодальной конторы, по «распоряжению захватчиков доступ в здание Синода для чинов, служивших в нем, был закрыт». Власти конфисковали также все синодальные капиталы³ [3, Л. 17; 1, Л. 23]. Правда, вскоре в Москве, согласно определению Поместного Собора, начали функционировать новые органы – Священный Синод и Высший Церковный Совет при Патриархе.

В целях сплочения верующих и духовенства в период тяжелых испытаний в Петрограде, а затем и по всей стране, стали создаваться массовые религиозные организации

² Церковные ведомости (Прибавления). 1918. № 7-8. С. 318.

³ Там же. № 5. С. 205.

– союзы, «Братства защиты святой православной веры» и т. д. В начале января в столице развернулась работа по налаживанию приходской жизни (до этого времени не было точного распределения верующих по приходам). Почти при всех значительных храмах выбрали «домовых уполномоченных», которые вели учет православных по квартирам и записывали их в «приходскую книгу» для распределения в дальнейшем по «коллективам». Одновременно на них возлагалась обязанность сообщать священникам о всех «неверующих», чтобы «заботиться об обращении заблудших»¹.

В каждом приходе выбирался совет, создавались «мирянские комитеты» и братства по районам и уездам, а в епархиальном масштабе – Братство приходских советов Петрограда и епархии. Оно возникло в середине января и вскоре объединяло уже около 60 тыс человек. Председателем его правления стал протоиерей Николай Рудинский. В первом номере новой газеты «Петроградский Церковно-епархиальный вестник» от 27 февраля священник Андреевского собора Николай Платонов так разъяснял цель этой организации: «В “Братство” вошли весьма многие советы, и работа “Братства”, видимо, приносит плоды, объединяя и тем самым укрепляя силы православных. “Братство” не борется с властью Советов, но оно стремится, чтобы и в области жизни церковной была представлена “вся власть Советам!”. Через приходские советы православный народ сам сумеет управиться с церковным достоянием на пользу веры и церкви. “Братство” стремится к выработке единой тактики на местах, чтобы повсюду православный народ одинаково знал, что и как ему нужно делать. Обогащаемое опытом лиц, работающих на местах и поддерживающих связь с “Братством”, оно может предпринимать и предпринимает наилучшие способы защиты православной церкви»².

Руководитель организации о. Н. Рудинский ездил за благословением к Патриарху, и тот послал в столицу свою грамоту: «Братству приходских советов города Петрограда и Петроградской епархии. С благодарением “Отцу щедрот и всякия утехи” (1 Кор. 1,3) приемлет мерность наша ваше приветствие и с душевной отрадой слышит в нем готовность верных чад Церкви Православной встать на защиту попираемых ныне прав ее!»³

К марту работа в епархии по организации приходских советов была закончена. 11 марта представители их собрались на Петроградский епархиальный съезд духовенства и мирян. По предложению председателя протоиерея Ф. Орнатского, съезд без прений присоединился к суждению Поместного Собора о декрете от 20 января. На съезде был избран и утвержден митрополитом «комиссар по общеепархиальным делам» – известный юрист новомученик И. М. Ковшаров, который должен был ведать «защитой материальных интересов Церкви». Он стал ближайшим помощником митрополита Вениамина в контактах с городскими властями.

Постепенно все большее руководящее значение в жизни епархии приобретало и Братство приходских советов. В одном из его решений говорилось о том, «чтобы представители органов епархиального управления в потребных случаях могли быть

¹ Петроградский церковно-епархиальный вестник. 1918. 13 апреля.

² Там же. 27 февраля.

³ Там же. 12 мая.

приглашаемы Братством для совместного обсуждения возникающих вопросов и осведомления о ходе работы епархиального управления. По этому самому основанию Братству должно быть дано право представлять епархиальному собранию свои соображения по проектам, вносимым на обсуждение епархиального собрания».

Наконец, в постановлении от 20 мая указывалось, что «так как деятельность Братства обнимает все стороны епархиальной жизни, то Братству должно быть предоставлено право иметь своих представителей во всех общеeparхиальных учреждениях, например, духовно-учебных заведениях, благотворительных учреждениях, свечном заводе и пр.». Братство даже претендовало на шесть национализированных зданий духовного ведомства, в том числе бывшего Синода, но Совет комиссаров Петроградской трудовой коммуны после нескольких заседаний 24 апреля отклонил эти заявления [10, Л. 48–49, 52–53, 72–73].

В своей деятельности Братство приходских советов было не одиноко. Как отмечал в выступлении 7 апреля на собрании петроградского духовенства священномученик протоиерей Михаил Чельцов, «Церковь перестраивается на широко общественных, соборных началах – участие интеллигенции, которая в России всегда была верующей, хотя по-своему (богоискательство), здесь особенно желательно. Патриарх, иерархи могут теперь говорить с властью с авторитетом, поскольку за ними общество, народ»¹.

В первой половине 1918 г. в Петрограде возникло еще несколько братств, в основном при различных приходских храмах и монастырях. Наиболее сильным, многолюдным и долго действовавшим из них стало Александро-Невское. Оно было официально открыто после совершения молебствования в Лавре 21 января, во время грандиозного крестного хода, и создавалось первоначально для защиты монастыря от конфискации властями. Братства существовали также при Андреевском соборе, Захарьевско-Елизаветинской церкви, в Гавани при церкви Милующей иконы Божией Матери, церкви Спаса на Синопской набережной и др.

Функции их подразделялись на издательскую (выполнение ее было очень затруднено, но и в 1920-е гг. в частных издательствах еще выходили церковные календари), благотворительную – помощь бедным, больным (в братствах состояло много медицинских работников), заботу об арестованных и заключенных, непосредственное участие членов братств в богослужениях с полным соблюдением устава, и просветительскую (не только устройство лекций, диспутов, но и, главным образом, церковная работа с детьми). Последнему уделялось повышенное внимание, при братствах существовали специальные филиалы – детские союзы. Так, монахи Александро-Невской Лавры руководили 69 детскими кружками, в которых изучался Закон Божий. По распоряжению митрополита в большинстве церквей для подростков были заведены специальные кресты, хоругви, иконы, облачения, они участвовали в богослужениях, крестных ходах. Активно действовал Андреевский детский союз, он регулярно устраивал различные вечера, утренники и даже детские пасхальные богослужения¹. При храмах в рабочих районах существовали Христианские союзы учащейся молодежи и т. д.

¹ Петроградский церковно-епархиальный вестник. 1918. 13 апреля.

¹ Мещерский Н. А. «На старости я сызнова живу: прошедшее проходит предо мною...». Рукопись. С. 14–15, 63.

Преподавание Закона Божия в государственных школах в основном прекратилось уже в январе 1918 г., хотя на многих родительских собраниях выносились резолюции за его сохранение, создавались родительские комитеты по наблюдению за религиозным воспитанием детей. На епархиальных съездах духовенства и мирян церковно-приходские школы по-прежнему считались находящимися в ведении Церкви, как и богословские учебные заведения. Всю первую половину 1918 г. декрет об их передаче в ведение Наркомпроса в Петрограде практически не реализовывался. Следует отметить, что и многие другие соответствующие законодательные акты длительное время оставались лишь на бумаге. Так, хотя декреты о гражданском браке и разводе были приняты еще в декабре 1917 г., у государственных органов долго не было своего аппарата, и метрические книги продолжало вести духовенство. В начале 1918 г. в одном из районов города учредили соответствующий гражданский отдел, но это был лишь показательный опыт. Замедленные темпы преобразований и массовое сопротивление духовенства стали причиной того, что и М. Горький в газете «Новая жизнь», в статье «Отбой» писал о бесплодности и преждевременности декрета об отделении Церкви от государства, авторам которого приходилось отступать перед условиями русской действительности². Такой прогноз даже левой печати поддерживал уверенность церковного руководства, что декрет не будет реализован.

Однако государственные органы постепенно усиливали наступление. Крупнейший конфликт с ними в Петроградской епархии в первой половине 1918 г. был связан с реализацией на практике закона от 14 февраля об «упразднении» придворного духовенства, передаче благотворительных учреждений его ведомства со всеми капиталами в ведение Комиссариата призрения и закрытии придворных соборов и церквей. Первоначально к выполнению декрета власти подошли достаточно гибко. 9 марта между наркомом по делам призрения и протопресвитером бывшего ведомства была достигнута договоренность о передаче «организации бывшего придворного духовенства», «кружечного капитала» и благотворительных учреждений, сохранении за ней части домов, квартир и часовни Христа Спасителя. Но после переезда ряда руководящих работников (в связи с переносом столицы в Москву) городские власти во главе с председателем Петроградского совета Г. Е. Зиновьевым практически отказались от прежнего соглашения.

В заявлении комиссара по общепархиальным делам И. Ковшарова Зиновьеву от 27 мая указывалось, что верующий народ, уже собравший 6 тысяч подписей, требует: «1. Сделать распоряжение о прекращении насилий над бывшими придворными храмами и часовней Спасителя, убрав немедленно из часовни комиссара. 2. Передать “кружечный капитал” и все благотворительные учреждения бывшего придворного духовенства в заведование организации бывшего придворного духовенства. 3. Отстранить комиссаров от заведования имуществом бывших придворных церквей. 4. Открыть для богослужений соборы Зимнего дворца и Петропавловской крепости». Заявление было рассмотрено 29 мая на заседании Президиума ЦИК Союза коммун Северной области. Почти во всех требованиях

² Церковные ведомости (Прибавления). 1918. № 9–10. С. 366.

отказали, и лишь собор в Петропавловской крепости разрешили открыть через 2-3 месяца [9, Л. 30–31].

В новом письме 10 июня И. Ковшаров убедительно доказывал: «Служащие Зимнего дворца неоднократно выносили постановления об открытии собора как приходского храма. Что же касается собора крепости, то закрытие его, хотя бы на 2-3 месяца, оскорбляет религиозные чувства большой массы народа, привыкшего исстари беспрепятственно посещать собор крепости для удовлетворения своих религиозных нужд. Во имя интересов народа, народная власть, казалось бы, не должна ставить народу препятствий в этом отношении. Ни в каком случае не может быть допущена передача “кружечного капитала”, составившегося из народных приношений, в ведение Комиссариата имуществ Республики, т. к. это явится нарушением воли народа, приносившего свои жертвы не для того, чтобы им было дано назначение на иные цели, кроме тех, на которые жертвовались народом его деньги». Это заявление было также отклонено на заседании Президиума ЦИК СКСО от 18 июня [8, Л. 2–3].

Массовое сопротивление осуществлению декрета от 20 января возглавлялось Поместным Собором. Он также установил ежегодное молитвенное поминовение в ближайшее к 25 января (17 февраля) воскресенье (день убийств митрополита Киевского Владимира, занимавшего в 1912-1915 гг. Петроградскую кафедру) «всех усопших в нынешнюю лютую годину гонений исповедников и мучеников»¹. В первой такой заупокойной литургии, совершенной Патриархом 13 апреля, в числе 17 новомучеников были помянуты и два петроградских протоиерея Иоанн Кочуров и Петр Скипетров.

Архиереи на местах в основном следовали в своих действиях указанным постановлениям. Так, например, в связи с захватом крестьянами земли Пеллинской церкви Шлиссельбургского уезда, Петроградская консистория рекомендовала причту и старосте церкви: «а) Собрать общее приходское собрание; б) уяснить собранию, что, так как забота о материальном содержании причта лежит всецело на прихожанах, то они, прихожане, должны позаботиться об охране церковной земли». Митрополит написал резолюцию: «Кроме указанного, священник на собрании прихожан должен разъяснить, что по соборному постановлению все лица, способствующие, а тем более сами захватывающие церковное достояние, подлежат на основании канонических правил суду церковному включительно до церковного отлучения, с воспрещением совершения у них всех церковных треб» [18, С. 217]. В то же время необходимо отметить, что Церковь всегда сражалась, и это неоднократно подчеркивалось в постановлениях Собора, лишь «духовным мечом».

С мая – июня 1918 г., мероприятия по реализации законов, касавшихся религиозных организаций, резко активизировались. 8 мая при Наркомате юстиции был создан специальный VIII (позднее V) отдел по проведению в жизнь декрета об отделении Церкви от государства во главе с П. А. Красиковым. Такие органы учреждались и при губернских Советах, комиссариатах юстиции. 24 августа был принят документ, разъясняющий многие

¹ Священный Собор Православной Российской Церкви: Собрание определений и постановлений. Вып. 3. М. 1918. С. 55–57.

спорные аспекты положения Церкви в советском обществе. Но, вопреки ожиданиям, это оказался не новый декрет СНК, а инструкция Наркомата юстиции «О порядке проведения в жизнь декрета “Об отделении церкви от государства и школы от церкви”», еще более ужесточившая требования властей. На реализацию положений инструкции отводился двухмесячный срок.

В Петрограде осуществление всех этих законов проводилось, по сравнению с другими городами, более медленными темпами. Несмотря на пребывание Патриарха в Москве, северная столица во многом оставалась центром церковной жизни страны, и епархиальное руководство располагало значительной реальной силой, с которой были вынуждены считаться городские власти. Однако их конфронтация в мае – августе 1918 г. постепенно нарастала. Один из конфликтов оказался связанным с празднованием 1 Мая, которое в 1918 г. приходилось на Великую среду, предшествующую Пасхе, день скорби, в который православным воспрещается участвовать в уличных гуляниях и шествиях. В соответствии с постановлением Поместного Собора от 20 апреля, митрополит Вениамин в своем воззвании к верующим призвал их не присутствовать на празднике. Совет комиссаров Петроградской трудовой коммуны расценил ситуацию как равнозначную военной опасности, решив назначить на время праздников Пасхи специальную полномочную комиссию в составе «Зиновьева, Лашевича, Позерна, Гусева и Смилги и обязать штаб округа и штаб оперативный иметь постоянное дежурство из ответственных лиц» [10, Л. 42–43].

Тревогу властей вызвало почти триумфальное посещение Петрограда с 23 мая по 3 июня Патриархом Тихоном. Первосвященник совершил несколько богослужений: в Исаакиевском и Казанском соборах, Лавре, участвовал в крестном ходе, посетил Кронштадт. И везде он встречал радость и поклонение верующих, а в братстве приходских советов состоялось его чествование. В своей речи в Троицком соборе Александро-Невской Лавры Патриарх сказал: «Град сей давно мне известен. Я знал его, когда учился в здешней академии, но я всегда привык его видеть несколько иным. И теперь при посещении этого града невольно вспомнились мне слова пророка Иеремии, как он некогда оплакивал Иерусалим, называя его “вдовицей, видевшей лучшие дни, но испытывающей принижения”. Нельзя не заметить увядания этого града. Вместе со всею матерью-родиной нашей большие терпит он скорби и поношения. Великая Россия, удивлявшая весь мир своими подвигами, теперь лежит беспомощная и терпит унижения... Но я взираю на вас с утешением, потому что вы знаете, в чем заключается наше спасение. Спасение – в Церкви Божией, в вере нашей в Бога»¹.

Вскоре после отъезда Патриарха, 8 июня на заседании Совета комиссаров Петроградской трудовой коммуны был рассмотрен вопрос «О способах применения декрета об отделении церкви от государства к петроградскому духовенству». Значительно участились случаи закрытия храмов при государственных учреждениях, многие из которых уже функционировали как приходские. В результате подобных действий в различные инстанции стали поступать заявления, протесты, жалобы «комиссара по общепатриархальным

¹ Петроградский церковно-епархиальный вестник. 1918. 20 июня.

делам» Ковшарова и братства приходских советов. Тон их постепенно ужесточался, конфликты множились. Так, еще 27 мая Ковшаров писал Зиновьеву по поводу прекращения богослужений в церкви св. Спиридона при бывшем Главном управлении уделов: «Приходской народ постановил обратиться через меня к народной власти с требованием прекратить нарушение губсовдепом изданного Народными комиссарами декрета о свободе совести и предоставить немедленно приходу право свободно осуществлять религиозные обряды в своем приходском храме». А 8 августа уже братство требовало от губисполкома открыть эту церковь: «Приходской совет обратился к Братству с просьбой потребовать от высшей власти положить, наконец, предел надругательству над совестью верующего православного народа и его храмами агентами власти» [10, Л. 16, 19], [7, Л. 64], [9, Л. 68].

7 августа процесс закрытия домовых церквей в Петрограде был оформлен законодательно, Совет комиссаров Союза коммун Северной области принял постановление: «1. Домовые церкви и часовни всех исповеданий, существующие при учено-учебных и воспитательных заведениях всех ступеней, а также при всех правительственных учреждениях, подлежат ликвидации в срочном порядке к 10-му августа с. г.» [6, Л. 237]. Причем, единственным существенным признаком, определявшим, приходским или домовым является храм, указывалось не наличие групп прихожан, не ведение метрических книг при церквях, а то, что он занимает особое здание (помещение), специально предназначенное для богослужесных целей и изолированное от какого-либо жилья или учреждения. Правда, не только к 10 или 20 августа 1918 г., но и к концу гражданской войны значительная часть домовых церквей Петрограда не была ликвидирована.

Для сохранения их при таких храмах указом митрополита открывались приходы, и власти отчасти считались с этим. Например, в первой половине 1918 г. решением Владыки Вениамина почти все церкви при восьми петроградских общинах сестер милосердия преобразовывались в приходские, и в 1919 г. юридический отдел Петросовета санкционировал их существование [11, Л. 34–125]. Уступка была сделана в отношении храмов при больницах и тюрьмах, в них разрешалось в определенные дни и часы совершать религиозные обряды. До многих домовых церквей в тревожные годы гражданской войны у властей просто не дошли руки. В некоторых случаях Церкви временно удавалось отстоять свои здания, предприятия, несмотря на попытки их конфискации.

Так, когда летом 1918 г. Колпинский Совет попытался занять церковный дом Троицкого собора, все его действия, ввиду волнений верующих, окончились неудачей. Приняв в августе трех представителей приходского совета, Зиновьев заявил им: «Что они пристали к вашим домам? Точно нет других в городе Колпино. Не в интересах наших возбуждать народ. Я распоряжусь, чтобы дома не трогали» [5, Л. 7]. В Колпино был командирован член губкома ВКП(б) Г. Е. Евдокимов, решивший спорное дело на месте в пользу прихода. Наконец, даже в случае закрытия домовых церквей их святыни порой удавалось переносить в другие храмы или помещения, открывая там вновь богослужения. Когда осенью 1918 г. была закрыта университетская церковь, ее, по инициативе настоятеля протоиерея Николая Чукова и академика Б. А. Тураева, возобновили в одной из квартир на

Биржевой линии, и церковь функционировала до марта 1924 г.¹

Несмотря на соответствующие статьи в законе, частично сохранилась религиозная благотворительная деятельность. Из запроса благочинных епархиального совета к настоятелям храмов от 22 августа 1918 г. видно, что в ведении Церкви, в основном под видом «частных», «нецерковных», оставались многочисленные богадельни, приюты, столовые, учреждения по трудовой помощи и т. д., а также детские площадки, сады, различные курсы, библиотеки, читальни.

Вскоре часть из них была утрачена, но остальные продолжали функционировать на прежнем основании до конца гражданской войны. Еще в декабре 1919 г. отдел управления Петроградского Совета внес в реестр обществ и союзов Мефодиевское трудовое братство при церкви св. Мефодия, целью которого являлось «оказание взаимной помощи путем выдачи денежных пособий, нравственной поддержки и приисканием работ нуждающимся членам братства», особенно больным и заключенным в тюрьмах. В официально зарегистрированном уставе его говорилось, что братство имеет право содержать трудовые артели, дом для помещения нуждающихся, торговый кооператив, иметь свои храмы [13, Л. 43–44].

После прекращения преподавания Закона Божия в государственных школах его удалось отчасти заменить частно-церковным обучением при храмах. В Петроградской епархии было выработано особое положение «Об организации религиозно-нравственного воспитания детей и подростков». Первоначально городские власти, согласно инструкции Наркомюста, не запрещали подобной практики. На соответствующий запрос приходского совета Никольского Богоявленского собора 13 августа отдел юстиции Петросовета ответил, что «обучать и обучаться религии частным образом не возбраняется, а посему особое разрешение на преподавание Закона Божия и духовного пения, если оно будет частным обучением, не требуется» [14, Л. 35–36].

Возобновилось осенью 1918 г. в епархии и специальное богословское образование, хотя к лету Духовная академия и семинария как государственные учебные заведения были закрыты и их здания переданы другим организациям (под детский приют и т. п.). Еще до принятия инструкции от 24 августа нарком просвещения А. В. Луначарский (в 1918 г. работавший в основном в Петрограде) официально высказался за то, чтобы духовные учебные заведения, при желании местных церковных общин взять их на содержание, передавались им со всем инвентарем; и 16 августа И. Ковшаров подал соответствующее заявление в Совет комиссаров СКСО: «Ввиду того, что петроградская церковная община на епархиальном собрании, состоявшемся в июле с. г., постановила принять содержание духовных учебных заведений Петроградской епархии исключительно на средства общины, Братство приходских советов выражает уверенность, что Совет комиссаров в непродолжительное время (ввиду скорого наступления учебного года) освободит духовные учебные заведения: академию, семинарию и духовное училище и передаст эти учебные заведения со всем инвентарем в ведение петроградской общины через Братство приходских

¹ Мещерский Н. А. Указ. соч. С. 70, 74.

советов» [8, Л. 7].

6 сентября в «Петроградском Церковном вестнике» (редактор – председатель комиссии по духовно-учебным заведениям протоиерей Михаил Чельцов) были опубликованы проекты положений о богословских курсах и богословском институте, одобренные митрополитом. 24 сентября Малый Совет СКСО передал здание бывшей семинарии под Богословско-пастырские курсы, которые и начали там свою деятельность с 30 сентября. Это было двухгодичное учебное заведение, куда принимались лица старше 18 лет со средним образованием. Преподавание общеобразовательных предметов в нем запрещалось, но первоначально курсы частично субсидировались комиссариатом просвещения. Из 14 преподавателей почти все ранее работали в семинарии, заведующим был И. П. Щербов, немало сделавший для развития богословского образования в епархии в первые годы советской власти [15, Л. 13-22].

Многие из этих уступок властей явились следствием активной позиции епархиального руководства, опиравшегося на массовый религиозный подъем. В 1918 г. к Православной Церкви, гонимой, а не государственной, как ранее, несмотря на начавшуюся атеистическую пропаганду, пришли тысячи новообращенных, в том числе и видные представители интеллигенции. Распространению религиозности способствовали и бедствия гражданской войны. В «церковной ограде» вспыхнула подлинная духовность, усилилась забота о нравственности. 10 июля для расширения проповеднической деятельности епархиальным собранием был избран Миссионерский совет, главным руководителем которого был митрополит [12, Л. 15].

Митрополит Вениамин стремился привлечь в ряды духовенства как можно больше светских молодых людей – «он предвидел будущие трудности»¹. Миссионерская деятельность развертывалась и в крестьянских массах. 29 августа епархиальный совет принял постановление о направлении в уезды и округа губернии из Петрограда священников для проведения лекций по богословию, совершения богослужений, законоучительства.

Чувствуя за собой поддержку верующих, петроградское духовенство все громче поднимало голос протеста против усиливавшихся антицерковных акций. 29 июля состоялось чрезвычайное епархиальное собрание приходских советов по вопросу «О мерах защиты Веры и Церкви ввиду циркуляра Комиссариата просвещения Северной области об изъятии из школ предметов религиозного почитания». Оно было необычным – с участием представителей всех других основных конфессий, кроме старообрядчества. Мнение собравшихся оказалось единодушным. Так, о. Н. Чепурин заявил: «Нас ожидает борьба. Я не знаю, чего страшиться. Стихия церковной жизни – есть стихия борьбы. Было мучительно видеть, как прежде настроение ведомства православного исповедания зависело от улыбки цезаря. Благословен тот час, когда наша Церковь, захваченная борьбой, станет на свои ноги и в правовых подпорках не будет нуждаться». Протоиерей Ф. Орнатский, ссылаясь на крестный ход в защиту Александро-Невской Лавры, рекомендовал повторить подобную акцию сопротивления (через несколько дней отец Философ был арестован). В результате,

¹ Мещерский Н. А. Указ. соч. С. 73.

собрание единодушно выразило «свой горячий протест» и постановило «обратиться к надлежащим советским властям с требованием о немедленной отмене незаконно изданного товарищем областного комиссара по просвещению Гринберга циркулярного распоряжения от 12 июля 1918 года за № 45»¹. Оно также избрало епархиальный совет.

Совместное противостояние давлению представителей различных конфессий особенно встревожило власти. Решено было использовать карательные меры. Митрополит Вениамин попытался смягчить напряженность в отношениях сторон. Так, на заявлении отдела юстиции Петросовета от 1 августа на его имя – «сделать распоряжение о снабжении в срочном порядке всех приходских церквей приходскими книгами для записей прихожан», Владыка в тот же день наложил резолюцию: поставить на вид благочинным за «их недостаточно внимательное отношение к прохождению своих обязанностей»².

В начале августа начались аресты священнослужителей. Развернувшийся в конце лета – осенью 1918 г. (после убийства В. Володарского, М. Урицкого, покушений на В. Ленина, Г. Зиновьева) красный террор в Петрограде был очень жесток. Самым непосредственным образом затронул красный террор духовенство. Были арестованы священники А. Николаев, В. Силин, А. Ливанский, П. Успенский, Н. Платонов, А. Дубровский и другие, несколько монахов.

Даже в этих условиях братство приходских советов пыталось отстаивать интересы Церкви, спасти арестованных. В его заявлении в Совет комиссаров СКСО от 14 августа говорилось о единогласном решении братства «признать, что циркуляр 8 августа с. г. о ликвидации церквей и часовен при правительственных учреждениях и учебных заведениях находится в явном противоречии с декретом о свободе совести (ст. 2 и 12), и предъявить по этому поводу протест, с требованием об отмене означенного циркуляра» [8, Л. 7].

В письме Зиновьеву от 31 августа указывалось, что братство «разновременно подало ряд заявлений о взятии им на поруки арестованных по распоряжениям местных совдепов православных священнослужителей, а именно: 1) протоиерея Философа Николаевича Орнатского (арестованного 9 августа), 2) священника Вячеслава Силина (арестованного 1 августа), 3) священника Алексея Ливанского (арестованного 3 августа), 4) священника Петра Успенского (арестованного 3 августа), 5) священника Александра Дубровского (арест.). Долговременное пребывание под арестом всех этих лиц угрожает по современным обстоятельствам не только здоровью, но и самой их жизни, тем более что некоторые из них, как-то: Ф. Н. Орнатский – преклонного возраста, а другие, как-то: В. Силин – тяжело больны. Между тем, представители приходов, а равно Братство приходских советов до сего времени не получили никаких сведений о судьбе заключенных, и, несмотря на все принятые меры, добиться путем личных переговоров от кого-либо из осведомленных в деле лиц сообщения справочных данных не представилось возможным. Ввиду этого, Братство приходских советов вынуждено ныне в письменной форме настаивать самым решительным образом на скорейшем выяснении вопросов: а) в чем именно обвиняются арестованные

¹ Петроградский церковный вестник. 1918. 3 августа.

² Там же. 6 сентября.

священнослужители, б) где они содержатся, и в каком положении находится их дело, в) скоро ли они будут вовсе освобождены из-под стражи или отданы на поруки Братству» [7, Л. 61]. Но само братство вскоре было ликвидировано, закрыты некоторые церковные органы печати и т. д.

Трагически сложилась судьба известного церковного деятеля о. Философа Орнатского. Нарком просвещения А. В. Луначарский пытался спасти его, послав 15 августа письмо Зиновьеву: «Уезжаю, так и не выяснив хорошенько, по чьему распоряжению и по какому обвинению содержится в Кронштадте под арестом священник Орнатский. Так как арест его вызывает много толков, а я считал бы необходимым избежать всего похожего на гонения против Церкви – то, быть может, Вы сможете сделать что-нибудь для его освобождения, если каких-либо серьезных обвинений против него не имеется» [7, Л. 61]. О. Философ был расстрелян вместе с двумя сыновьями.

Основной причиной подобных бессмысленных акций являлось засилье левацких, военно-коммунистических настроений в партийной и советской среде – в надежде на скорую мировую революцию ее рьяные приверженцы пытались как можно быстрее разрушить бастионы реакции в России, одним из которых считали и религию. Руководству РКП(б) была присуща склонность к тоталитаризму, стремление к монополии на безграничную власть, на право господства во всех областях жизни общества, включая духовную сферу. Церковь виделась им непримиримым соперником, которого следовало безжалостно убрать со своего пути. Именно с этим было связано резкое ухудшение осенью 1918 г. положения церковных организаций в регионах, в частности в Петроградской епархии. Однако, несмотря на гонения периода гражданской войны, Церковь вышла из нее в своей основе несокрушенной, и произошло это во многом благодаря подвигу новомучеников.

Источники и литература:

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 445. Д. 23.
2. РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 83.
3. РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 246.
4. РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 792.
5. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 142. Оп. 2. Д. 103.
6. ЦГА СПб. Ф. 143. Оп. 1. Д. 67.
7. ЦГА СПб. Ф. 143. Оп. 1. Д. 82.
8. ЦГА СПб. Ф. 143. Оп. 1. Д. 83.
9. ЦГА СПб. Ф. 143. Оп. 1. Д. 84.
10. ЦГА СПб. Ф. 143. Оп. 3. Д. 5.
11. ЦГА СПб. Ф. 5325. Оп. 7. Д. 102.
12. ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. Д. 47.
13. ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 250.
14. ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 238.
15. ЦГА СПб. Ф. 8952. Д. 1.
16. Митрополит Вениамин (Казанский). Краткая биография // Христианские чтения. 1991. № 6. С. 5–7.
17. Вечерний Ленинград. 1990. 11 августа.
18. Платонов Н. Ф. Православная Церковь в 1917-1935 гг. // Ежегодник музея истории религии и атеизма. Т. 5. Л. 1961. С. 217.

**The Petrograd Diocese in 1917-1918: Experience and Lessons of the Opposition
to the Persecution against Religion**

Mikhail Vitalyevich Shkarovsky (Saint-Petersburg)

Central State Archive of St. Petersburg;

St. Petersburg Theological Academy

The article covers the main events of the Church life in the Petrograd diocese in the first post-revolutionary year. Based on documents of the archives of St. Petersburg and the review of the local "Diocesan Gazette", the author analyzes the experience and lessons of the confrontation between the anti-clerical persecutions in the diocese, narrates about a first martyrs for the faith, about how the Church tried to avoid and stop the bloodshed caused by the negative attitude of the Soviet government.

Key words: the history of the Russian Orthodox Church after 1917, Church history, the Russian Orthodox Church, Petrograd diocese, anti-religious persecutions, martyrs and confessors of the Russian Church, state-Church relations, Petrograd, Orthodox brotherhoods, the October revolution of 1917, totalitarianism.